

Альфред Розенберг

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Последние записи, Нюрнберг 1945 – 1946

Посвящается национал-революционерам!

Термин «национал-социализм» возник в Судетах, а саму политическую идею – как идею возрождения народа, преодолевающего в формах своего государственного устройства и организации жизненного уклада ущербное наследие демократии – наполнил содержанием, сформировал, отстоял и сделал ведущей идеологией Рейха Адольф Гитлер. Никогда единство германского духа не было таким монолитным, как в 1933 г. Никогда велико-германская мечта не была так близка к воплощению, как в 1938 г. Никогда падение Рейха не было таким глубоким, как в 1945 г. Одно единственное имя охватывает события этих лет, а человек, носящий это имя, отвечает перед судом немецкой нации.

Любые суждения об этой полной драматизма, великой и страшной эпохе будут неверными. История не закончилась 8 мая 1945 г., с проблемами, определившими содержание нашей борьбы, мир сталкивается сегодня в куда большей степени, чем прежде. Теперь, когда Адольфа Гитлера нет с нами, а дело и смысл его жизни – оболганные, оплеванные и преданные забвению – сделаны предметом тотальной ненависти, мы должны признать: острое как никогда противостояние двух миров, выйдя за рамки нашего континента, сегодня захлестнуло планету.

Дела Гитлера, его приказы, которые тяжелым бременем ложились на плечи его окружения, бросая подчас тень на то, что он сам сделал идеалом движения, созданного его собственными руками – имя немца, – все это имеет настолько огромный размах, что обычных слов просто не хватит для их описания. Я не берусь судить об этом человеке в контексте истории, мне хотелось бы зафиксировать на бумаге то, что я думаю о нем лично, то, что врезалось в мою память за годы нашего с ним знакомства.

Начиная с 1920 г., мне довелось присутствовать на большинстве собраний, в которых принимал участие Гитлер. С первых дней его выдвижения я наблюдал в нем не только прочный духовный фундамент, но и процесс непрекращающегося возмужания, которое выражалось в том, как он справлялся с многочисленными проблемами, о которых говорилось и в Мюнхене, и в ходе знаменитых «вечерних застолий». Любой внимательный наблюдатель мог заметить, что Гитлер много читает: в центре его интересов находилась литература политического содержания, все, что было связано с Версалем, с Первой мировой войной, с всемирной гонкой вооружений. Может показаться странным, но Гитлер никогда специально не изучал марксистские теории, в то же время, его всегда занимали их ключевые моменты и то роковое влияние, которое они оказывают на политические события в мире – их внутреннюю взаимосвязь он ясно видел и всегда говорил об этом. В борьбе с этим миром он не боялся пользоваться приемами пропаганды, страстной риторики, иронии. Но, выступая перед рабочими, он всегда был честен. Когда социал-демократам и коммунистам пришлось искать новых врагов, они сошлись на экспроприации княжеской собственности. И хотя в большинстве стран институт монархии отошел в прошлое, став чем-то вроде музейного экспоната, марксизм в своем вечном стремлении выступать на стороне «угнетенных и обиженных» нашел в его лице достойного соперника – необходимое условие для демонстрации миру хваленного марксистского «человеколюбия» было выполнено. Вопреки таким деятелям как Герман Эссер, Гитлер ни на мгновение не поддавался на уговоры этих велеречивых краснобаев. Он объяснял, что признание

частной собственности социокультурной основой жизнедеятельности народного сообщества требует от нас элементарной последовательности: монархи такая же его часть, как и все остальные его члены. В последующие годы НСДАП энергично отстаивала эту линию, справедливо указывая на то, что марксисты почему-то не рассматривают «победителей в войне» и «биржевых бандитов» в качестве своих противников и эксплуататоров народа, а их собственность щадят. Мы знаем, что люди, проигнорировав марксистские лозунги, пошли за национал-социалистами.

В ходе избирательной кампании (тогда Гитлер баллотировался на пост рейхсканцлера) он распорядился никоим образом не очернять в глазах избирателей образ Гинденбурга: слишком много славных страниц немецкой истории связано с этим великим человеком. В итоге, внимание избирателей было обращено к следующему аргументу: пришло время дать дорогу молодым, способным к борьбе и имеющим опыт реальной политической работы. Несмотря на всю привлекательность нечистоплотных приемов, гарантировавших ему успех в ситуации, когда на карту была поставлена его судьба как политического деятеля, Гитлер отказался к ним прибегнуть. Он пошел на риск и победил.

Это примеры того поведения, которое заставляет меня испытывать неподдельное уважение к Гитлеру. Но есть и другие проявления его характера, которые я внутренне отклоняю или воспринимаю как чуждые мне – в особенности, когда они касались той роли, которую Германия играла на международной арене.

Гитлер всегда трезво оценивал тяжесть тех последствий, которые несет с собой проигранная мировая война. Требование вернуть Рейх в границы «до 14-ого года» он отклонил со всей решимостью: в послевоенном мире национальные устремления должны искать для своего воплощения новые формы. Идя наперекор сторонникам восстановления довоенных границ, он разъяснял, что подобное требование может выдвинуть и провести в жизнь правительство, сильное своим единством, «ноябрьской коалиции» это просто не под силу. В принципе же, надо сначала ответить на вопрос, кому не выгодно уничтожение «центра Европы». Его ответ: Италии и Англии. Допустим, это так, но это значит, продолжал он, что нам придется не замечать в этих странах того, что препятствует их желанию сотрудничать с нами. А это, как следствие, отказ от Южного Тироля, отказ от колониальной политики, пресмыкание перед Англией в нашем стремлении вернуть себе потерянные колонии. Гитлер имел мужество вслух высказывать эти взгляды – обращаясь на этот раз к национал-патриотам. Свою первую монографию он посвятил вопросу Южного Тироля, он был вынужден это сделать, защищаясь от обвинений в предательстве национальных интересов. Предали Южный Тироль, а вместе с ним и национальные интересы Германии, те, кто подписывал Версальский мирный договор в июне 1919 г., и те, кто инсценировал ноябрьский переворот. При всей любви к Тиролю и его жителям, их интересы следует подчинять интересам остальной страны. Что же касается противников Гитлера, то их сводила с ума не любовь к Тиролю, а ненависть к Италии Бенито Муссолини.

Гитлер никогда не шел по пути наименьшего сопротивления, напротив, ответственность за непопулярные решения он всегда брал на себя, зачастую оставаясь в меньшинстве, но при этом продолжая настойчиво двигаться к цели – если он был убежден в правильности своего выбора. В то же время, вторая половина его сущности часто мешала ему – он был склонен принимать решения непродуманные, продиктованные его эмоциональным состоянием или личностным отношением к предмету выбора.

* * *

Мне вспоминается разговор о Гитлере с моей будущей супругой, это было в 1923 г. Я подчеркивал его мужество и силу, обращая ее внимание на то, что она мне еще долго не могла забыть: меня смутил покатый лоб Гитлера, сообщающий его образу что-

то непостоянное. Наряду с холодным рассудком и поистине железной волей Гитлер зачастую демонстрировал образцы немотивированного, взрывообразного поведения; эта особенность его внутренней конституции вредила нашему общему делу, чему я часто сам становился свидетелем. Отрицательные последствия таких вспышек Гитлер устранял с удвоенной энергией, что заставило меня пересмотреть сложившуюся точку зрения, я сказал себе: это его неумная энергия ищет выход, Гитлер лучше знает, что и как нужно делать. Сегодня я должен признать, что эта сторона его сложной личности одержала верх, сделав возможным возвышение Геббельса, Гиммлера и Бормана – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я всегда был сторонником превентивных мер – такой у меня характер. Должен признать, что имелись самые веские причины избегать раскола в партии, до того момента, по крайней мере, пока мы не пришли к власти, следовало всеми силами сохранять единство партийных рядов, а не создавать новую «национал-социалистическую» оппозицию, выставляя непопулярных партийных деятелей за дверь. Пример Отто Штрассера был первым тревожным сигналом, очертившим набор тех приемов, которыми пользовался Адольф Гитлер в своих отношениях с соратниками по партии. И если вначале это была понятная и разумная осторожность, смешанная с уверенностью, что деструктивные и центробежные силы внутри партии невозможно примирить, то годы спустя Гитлер предпочитал находиться над схваткой, играя роль третейского судьи и вождя, за которым всегда остается последнее слово.

Я, думаю, испытал это на собственном примере, было это в 1924 г., когда, после ноябрьской неудачи 1923 г., мне было поручено собрать разуверившихся товарищей по партии. И хотя позже Гитлер одобрил мои действия, ему трудно было не услышать голосистых крикунов Эссера и Штрайхера, выступивших против меня единым фронтом: меня обвинили в том, что я предал «дух гитлеризма», трезвый и конструктивный диалог о сложившейся ситуации с этими деятелями – из-за их патологических наклонностей – был невозможен. В июне 1924 г. я обратился к Гитлеру, находившемуся в Ландсберге, с письмом, в котором просил освободить меня от выполнения поставленной передо мной задачи, мотивируя это тем, что была задета моя честь. Меня не оставляло ощущение (об этом я говорил со своим сотрудником Карлом Фридрихом Вайсом), что Гитлер не без удовольствия поглядывает на распри среди немецких народников¹: он видел себя вождем общенародного немецкого пробуждения, авторитет которого лишь выиграет, найдя опору не во вновь созданном, но в уже существующем раздробленном движении. В первом случае ему пришлось бы завоевывать и утверждать свой авторитет, во втором – нет, он выступил бы в роли собирателя и спасителя разрозненных групп. Это мое ощущение имело двойственный характер: ведь я понимал, что это кощунство, но – в глубине подсознания – я был уверен, что именно так все и обстоит на самом деле. Как бы то ни было, я не хотел участвовать в этой игре, вот почему я написал Гитлеру. По этой же причине я не принимал участия в театрализованном празднике примирения, который состоялся 25 февраля 1925 г.

* * *

Составляя политический портрет Гитлера, необходимо помнить о творческой стороне этого человека, которая является решающим фактором в оценке его личности. Обратившись ко мне в 1925 г. с просьбой возглавить «Фелькише Беобахтер», он много говорил о политических усилиях Людендорфа за год до этого. По мнению Гитлера, Людендорф обречен на провал, т.к. он не музыкален. Сам Гитлер, по его словам, способен тонко чувствовать музыку, и это позволяет ему не только глубже понимать

¹ Фелькиш [Прим. ред.]

людей, но и успешно ими руководить. Я никогда не забывал этих слов, но 1945 год напомнил мне о них снова со всей возможной жестокостью.

Мои слова не преследуют цель очернить Гитлера мелочной критикой, я далек от попыток морализаторства. В гораздо большей степени я стремлюсь отобразить сущность человека, успех которого был обусловлен не только его внутренней силой, но и тем, что вынесли на поверхность жизни глубинные – и не всегда положительные – корни его личности.

Важнейшим инструментом влияния на людей для Гитлера стало слово. В «Моей борьбе» Гитлер вспоминает, какое облегчение он испытал, когда понял, что не боится выступать перед аудиторией. У меня нет сомнений, что его устное слово, побуждая людей к действию, оказывало на них более глубокое воздействие, нежели печатное. В словах умелого оратора всегда есть нечто гипнотическое, но этот элемент недолговечен – если мы сравним его с хорошо написанной книгой. Поэтому в проведении собраний и митингов так важна их регулярность. Именно она – и те приемы, которые будят фантазию и воображение масс – поистине волшебным образом воспитали волю Гитлера.

Здесь, прежде всего, необходимо сказать о новом флаге. Этот стержневой символ олицетворял каждую мысль, каждое переживание, каждую жертву и каждый новый успех движения. Он реял над головами тех, кто собрался на первом большом митинге партии, омытый кровью павших, он бывал склонен в стенах Зала полководцев, он бывал приспущен над могилами наших товарищей по борьбе, он развевался во главе идущих к цели колонн – вершиной этого триумфа стал марш к Бранденбургским воротам 30 января 1930 г. Этот флаг дал новую жизнь традиционным цветам Рейха: черному, белому и красному, скрепив их древне-германским общеарийским символом. Гитлер сам создал эскизы первых штандартов, я был рядом с ним, когда руки ткачей воплощали его замысел в жизнь. Глаза Гитлера сияли, он радовался как ребенок.

Альфред Розенберг и Адольф Гитлер на митинге в 1923 г.
Оба одеты по последнему слову тогдашней моды –
Розенберг в двубортном пальто, на Гитлере макинтош.

Впервые мы наблюдали вручение флага на партийном съезде в конце января 1923 г. Зимний марш на Марсовом поле. Первая приветственная речь полковника фон Ксиландера от имени сочувствующих организаций и союзов. Затем слово взял Гитлер. Он принял парад, после этого отправился в Мюнхен, чтобы еще дважды наблюдать прохождение партийной колонны по улицам города. Так укрепляюще действовало на него его собственное творение.

После 1924 г. арсенал знаковых и воспитательных средств был дополнен униформой. Так было положено начало ее многообразию, которое мы позже наблюдали в ходе партийных съездов в Нюрнберге – ежегодный смотр партийных рядов, сам факт повторения которого определил его глубинную суть и ту степень влияния, которую он оказывал: ведь именно так возникали и формировались народные обычаи и ритуалы. Вспомню и менее значимые формы партийных собраний: дни культуры, конгрессы, слеты и конференции.

За эти годы многие из тех, кто раньше и помыслить об этом не мог, стали ораторами, и, замечу, хорошими ораторами: робость, скованность и раболепие были преодолены, радость и единодушие, которые царили на собраниях, потеснили чопорную благовоспитанность, заменив ее искренним и открытым отношением к соратникам.

Однако мне всегда казалась сомнительной убежденность Гитлера в том, что историю творят великие ораторы, а не великие писатели. Отчасти так оно и есть, но лишь отчасти: государственные деятели формировали историю наций в разных условиях, порой в качестве политиков и полководцев, порой в качестве революционеров и солдат (Кромвель, Наполеон), порой в качестве красноречивых трибунов. Письмо было лишь средством сохранить огонь живого слова. Тезисы Лютера и его записи вызвали величайшую революцию в истории немецкого народа, т.е. секрет такого воздействия в многообразии используемых приемов. Вот почему противопоставление «оратор – писатель» по сути ошибочно, но субъективно его нельзя не принять, учитывая, в особенности, те обстоятельства, которые сложились в Рейхе после 1918 г.: устное выступление перед людьми стало единственно возможным способом донести до них слово правды, любая попытка революционного выступления доказала свою нецелесообразность – она пресекалась на корню и была заранее обречена на провал. Вспомню слова Шопенгауэра: дела преходящи, творения вечны. История локальных войн, которые вели греки, так бы и осталась набором побасенок, если бы не великий Гомер, увековечивший ее в своем бессмертном эпосе, который не только стал мерилем европейской культуры, но и оказал на людей большее влияние, чем слова бесчисленной когорты величайших ораторов и трибунов.

Но, похоже, мы вступаем в область высоко искусства, которое в конечном итоге всегда остается на бумаге, дела же политиков и военачальников – воспеты писателями и историками: от Гомера, Геродота, Плутарха до Гете и Ранке – образуют настоящему движущую силу.

Но взгляды Гитлера мне понятны, его слова – способ мобилизовать ораторов перед выступлением.

Ведь именно они внесли решающий вклад в расцвет и укрепление нашего молодого движения. Хотя, замечу, Мутчман был плохим оратором, но при этом отличным организатором, чего нельзя сказать о Геббельсе – там все обстояло с точностью до наоборот.

* * *

Я сознательно акцентирую внимание на этом вопросе: он неотделим от сферы т.н. художественного. Ораторское искусство, факельные шествия, формы приветствия – в этом всегда, по необходимости, присутствовал определенный элемент театрально-

сти, театральности, в которой поначалу не было и намека на одиозность. Но уже изначально эта театральность была способна застить глаза, ослеплять и нивелировать разум, пробуждать фантазии, которые не имели ничего общего с реальным положением дел. Она была уместна в моменты помпезных празднеств как форма волеизъявления людей, как проявление всенародной любви к фюреру, но, когда Гитлер оказывался наедине с собой, она становилась избыточной, более того неуместной, способной лишь вредить именно тогда, когда фюреру требовался незамутненный, трезвый взгляд на вещи.

Справедливости ради следует понять, что внутреннее побуждение создать из ничего – без денег, без имени, выступив один на один с соперничающими партиями – народное движение, которое однажды стало определяющим для Германии, требовало мобилизации всех сил духа, веры и воли. Лишь тот, кто бездумно противопоставляет себя проявлениям народной судьбы, способен преуменьшать или отрицать роль этих сил. Мольтке с его характером никогда после 1918 г. не шагнул бы в народ, охваченный волнением и предчувствием неизбежного, чтобы в ходе кропотливой, неустанной работы в самых отдаленных уголках Рейха волшебной силой слова вдохновлять и обращать к себе души простых немцев.

Мы все должны освободиться от стереотипов духовной и политической борьбы первоначального этапа. Я в этом смысле не исключение. Версаль, оккупация Рейнской области, преследования немцев в Польше – все эти вопросы в устных и письменных дискуссиях обсуждались столь же страстно, сколь страстно во внутренней жизни страны велась борьба с системой, чьи вожди громогласно объявляли национализм величайшей ересью, заявляя на своих партийных съездах, что о Родине под названием «Германия» они слыхом не слыхивали. В целом правильный взгляд на вещи, который связан с упоением верой – вот что стало секретом успеха. Для этого нашей новой судьбе не нужен был Мольтке, ей нужен был Гитлер – по крайней мере, до 30 января 1933 г. После этого дня роль Гитлера-трибуна была исчерпана. Началось испытание государственного деятеля.

Гитлер с непреклонным упорством отклонял предложения занять пост канцлера. Он давно отстаивал свое право возглавлять правительство – отстаивал, играя по правилам демократических сил. То, что ему отказали в «президентском» представительстве, то, что интриганы, вопреки явной угрозе со стороны коммунистов, всеми силами пытались расколоть созданное им движение – все это не способствовало укреплению авторитета национал-патриотов в глазах фюрера. Но он и здесь, сохраняя твердость, сумел преодолеть многочисленные кризисы и осуществить то, что он – а с ним и миллионы немцев – считали единственно правильным и необходимым.

При этом упорная борьба Адольфа Гитлера с самим собой не прекращалась ни на секунду. После недолгого пребывания на посту канцлера, Гитлер однажды в разговоре со мной заметил с видимой гордостью: «Всю эту неделю я работал с документами, к вечеру ящики письменного стола были пусты». Мои губы тронула улыбка: все это было так на него похоже. Но вскоре Гитлер отказался от такого явно бюрократического стиля работы с его сухой систематизацией всего и вся. С одной стороны, Ламерс, Майснер и другие в кратчайшие сроки сумели проникнуться пожеланиями фюрера, с другой, он вскоре сам научился решать проблемы по мере их возникновения – посвящая этому все свое время и силы. Когда он бывал занят, до него никто не мог «достучаться» – пока решение вопроса, над которым он работал, не было, по его мнению, выработано. Так, например, в свой мюнхенский период Гитлер интенсивно занимался проблемами мирового судоводства и судостроения, в течение недель он буквально просиживал ночи напролет, обложившись всей доступной литературой по этим вопросам. Позже это позволило ему на равных вести диалог с нашими адмиралами: зачастую они шли на доклад к Гитлеру, преисполненные профессионального скепсиса, оставляли же кабинет нового канцлера, склонив голову – багаж знаний Гитлера был глубок и всеобъемлющ. Даже здесь в зале суда Редер со

всей возможной откровенностью признавал, что общение с Гитлером заставляло его чувствовать себя учеником, а не учителем; в том же духе высказывался и Дениц.

Гитлер мог заказать из библиотеки подшивки общественно-политических немецких журналов за последние сто или пятьдесят лет: это было необходимо ему, в частности, для анализа тех форм критической мысли, которая сопутствовала эволюции музыкальной и театральной жизни страны за этот период. Его возмущал выхолощенный стиль новомодных щелкоперов, способных ради красного словца или поддержания своего дутого авторитета одним росчерком пера раздавить художника, который дарил миру лучшее, что у него было. Он часто говорил о том, насколько чище, корректней и конструктивней была критика до 1850 г.: исполненная желанием понять творца, помочь и поддержать его, она никогда не стремилась унижить его или осмеять. Изучение такой периодики позволило Гитлеру в дальнейшем требовать от немецких критиков не только избегать того, что, собственно, было принято подразумевать под этим словом, но и рассматривать произведения искусства прежде всего с позиций постижения творческого замысла – будь то картина или музыкальная композиция.

Эффективность Гитлера как руководителя во многом обязана его способности сосредотачиваться на главном, обратная сторона этого феномена состояла в том, что целый ряд менее животрепещущих проблем зачастую ускользал от его внимания.

* * *

Должен признаться, схожесть наших взглядов по фундаментальным вопросам была поразительной. Вспоминается такой случай: как-то раз я написал для «Фелькише Беобахтер» статью о вреде пьянства – я читал ее черновой оттиск, когда в редакцию вошел Гитлер. В руках он держал набросок статьи, посвященной этой же теме, материал, который, по словам Гитлера, следовало опубликовать. Мне оставалось только рассмеяться и показать ему то, что вышло из под моего пера. Мы обменялись черновиками, по прочтению которых нам стало ясно, что рассматривая одну и ту же проблему под разными углами, мы пришли к одинаковым выводам. Когда я предложил Гитлеру вместо моей статьи напечатать его, он ответил: «Ни в коем случае! Напечатать обе – так будет только лучше». После этого газета вышла с двумя нашими статьями в одном номере.

Тексты своих речей на партийных съездах Гитлер всегда старался читать загодя. Как-то я дал ему для ознакомления текст моего собственного выступления, он прочел его и сказал: «Это так совпадает с моими тезисами, мы будто специально сговорились».

Его отношение ко мне я позволю себе сформулировать так: он всегда очень ценил меня, но я никогда не был его любимчиком. В этом не было ничего необычного, учитывая то, что я выходец из северных широт, и имею соответствующий темперамент, а Гитлер – уроженец южного Линца. Удивительным было другое: схожесть наших позиций по многим основополагающим вопросам. На многих южан я невольно действовал расхолаживающе, под маской приветливости они скрывали легкую иронию. По-человечески Гитлер предпочитал общество Эссера, Амана, Геббельса, Гофмана и других, ощущая при этом мое незримое присутствие наблюдателя – не думаю, что ему это было приятно. Позже это вошло в порядок вещей: мелкие попытки подстроиться под его настроение, придворное искусство, мастером которого показал себя Геббельс. Порой он не соглашался с Гитлером лишь для того, чтобы затем пойти на попятную, и подчеркнуть тем самым правоту вождя. Разумеется, многое из того, с чем нам приходилось сталкиваться в ходе повседневной работы, я воспринимал как неизбежную рутину, но мои встречи с фюрером носили, как мне кажется, открытый и конструктивный характер: я всегда говорил то, что думал, не боялся критиковать, а если было нужно, то и жаловаться. И это понятно: Гитлер был и остается для меня

тем человеком, который всегда имел право знать все – независимо от сложившихся обстоятельств.

Когда в 1932 г. обострились нападки на Эрнста Рема – они были обоснованы, даже сам Гитлер высказывал свое отрицательное отношение к его склонностям, которые больше невозможно было скрывать, – я, обсуждая с фюрером предстоящее выступление на Конгрессе Европы в Риме, высказал ему свои соображения по этому вопросу: Рема следовало отстранить от руководства СА. Гитлер, вспомнив его прежние заслуги, спросил, нет ли у меня на примете достойной замены. И если нежелание Гитлера способствовать формированию оппозиции накануне взятия исполнительной власти в стране было понятным, то тот факт, что Гитлер не только оставил Рема на прежней должности, но и укрепил его позиции, убедив Гинденбурга сделать его рейх-министром (распоряжение Гинденбурга о том, что руководитель СА автоматически занимает этот пост как, например, заместитель Гитлера Гесс), просто не укладывался в голове. Тем самым Гитлер блокировал формирование любой внутрипартийной оппозиции, направленной против Рема – исключение составил Ровер, предупредивший Рема, что если тот ступит на землю Ольденбурга, им займется полиция – это позволило Рему и дальше играть роль возмутителя спокойствия, вокруг которого формировались силы, близкие ему по духу и по своим взглядам.

Позже, вместо того, чтобы вырезать раковую опухоль 175-ой статьи, Гитлер просто подавил политический переворот, за которым стояли те, кто рвался к руководящим постам в Вермахте. Выступление Гитлера в Рейхстаге не затронуло сектантов, но саму «секту» во главе своих отрядов СА, которые, стиснув зубы, смотрели на этот позор, он терпел достаточно долго. Позже Гитлер признался мне, что Рем ненавидел меня, да и к столу его фюрер тоже не приглашал. В ответ я промолчал, это задело Гитлера; думаю, он понял, что этого мне было мало.

* * *

На этом примере мы видим психологическую проблему и образ действий, которые опосредованно, через действующих политиков, оказывали значительное влияние на судьбы Рейха. Было ли укрепление Гитлером позиций Рема провокацией, призванной развязать ему руки и заставить выйти за рамки дозволенного – и все это с целью дискредитации его как политика? Или это была ностальгическая дань памяти капитану Рему образца 1923 г.? Или это был уход от проблемы, решение которой требовало не только личного мужества, но и быстрых, решительных действий? Чтобы это понять, необходимо видеть проблему Рема в целом, в развитии. Выступление Гитлера в Рейхстаге по этому вопросу не информативно, это конструкция, которая отразила предвзятый взгляд самого Гитлера, обращенный в прошлое, но не реальное положение дел. Сравнивая поведение Гитлера в аналогичных ситуациях до и после вхождения во власть, я прихожу к выводу, что ему часто стало не хватать смелости называть вещи своими именами, и, отделив зерна от плевел, решать назревший вопрос быстро и четко, тем самым устраняя предпосылки для возникновения сходных ситуаций в будущем.

В моем конфликте (1924) с Эссером и компанией Гитлер отказался от проведения расследования, он откладывал решение вопроса по той причине, что обе стороны, в которых он нуждался, смогли бы достичь компромисса, но цена его оказалась бы слишком высокой. Вот почему мы были вынуждены забыть старые споры и начать все с нового листа. Когда возникла конфликтная ситуация между Штрассером и Геббельсом, Гитлер снова требовал примирения и согласия.

В «Мифе» я объяснял (из чувства внутреннего протеста против такой тактики ухода от принятия окончательных решений), что конфликт личностей в Рейхе может протекать лишь в рамках определенных ценностей, но всегда – по эгидой чести. В противном случае нам грозит скатывание в болото пустопорожней демократической бол-

товни. Эти слова создали позитивный настрой, но для посвященных в них содержалась далеко идущая критика.

Гитлер избегал проведения следственных мероприятий, основная задача которых – внести ясность в вопрос дискуссии; в результате каждая из сторон оказывалась права, а каждый участник спора мог сколь угодно долго доказывать неправоту соперника: так было в моем споре с Эссером, так было в конфликте Штрассера с Геббельсом. Шел на уступки обычно тот, кто был более великодушен, или тот, кому покровительствовал фюрер. Горечь подобного поражения я испытал в дискуссии с Кохом, при том, что в этом случае речь шла не о «конflikте личных интересов», как считал Гитлер, для Рейха имела судьбоносное значение сама суть наших с Кохом разногласий. Истинный облик Геббельса никогда не был для Гитлера секретом. Но и здесь он часто предавался ностальгическим воспоминаниям, жалел покалеченного соратника, которого ему приходилось защищать не раз и не два; ему, холостяку, доставляло простую человеческую радость бывать в доме Магды Геббельс, чувствовать тепло и заботу этой семейной пары, играть с их детьми. Конечно, Гитлер знал, что я лучше разбираюсь в искусстве, чем Геббельс. И все же направлять работу в этой области немецкой жизни, которую сам Гитлер любил страстно, он поручил Геббельсу. Потому что, как я позже понял, анализируя целый ряд различных событий, Геббельс мог предложить Гитлеру окружение, которого у меня не было. Геббельс знакомил фюрера с прекрасными артистами и художниками, он всегда был в курсе новейших событий из жизни искусства. Он всячески потакал «театральной» жилке Гитлера, используя для этого арсенал служителей муз, помогая тем самым фюреру расслабиться и хоть на время забыть о вопросах внешней политики и народного хозяйства, которые тяжким бременем лежали на его плечах.

Никто не станет отрицать, что Гитлер принял страну в состоянии тяжелейшего кризиса, а эмигранты, несущие за него ответственность, еще и подливали масла в огонь, на каждом углу заявляя, что Гитлер скоро «выдохнется». Семь миллионов безработных, блокада на международной арене, начало бойкота во внешней торговле – все это требовало от фюрера высочайшего напряжения всех сил.

Я недостаточно хорошо знаком с мероприятиями нового правительства Рейха, чтобы ответственно судить о них. Государственные и коммунальные заказы помогли справиться с безработицей задолго до начала ремилитаризации. Было начато строительство государственных автострад, развернулась работа по восстановлению агропромышленного комплекса, принятие «Закона о наследовании крестьянского двора» позволило труженикам села, оторванным от своих корней, вернуться в деревню и, что гораздо важнее, восстановило их прежний авторитет в глазах остального общества. Создание Государственной службы занятости позволило с уверенностью взглянуть в завтрашний день ремесленникам и рабочим. Развитие служб социального обеспечения дало наконец всему обществу возможность вздохнуть свободно. Устранение литературной грязи, порнографии в изобразительном искусстве и на сцене освободило дорогу новому немецкому искусству.

Инициатором, неиссякаемым источником энергии и движущей силой этих перемен стал Адольф Гитлер. И народ, полностью доверившись фюреру, пошел за ним.

* * *

В 1933 г. Гитлер заключил конкордат с Ватиканом. Сам я, не принимая, разумеется, участия в разработке этого проекта, воспринял его позитивно – мне всегда была понятна разница между духовным противостоянием личности, церкви, государства и философских школ, и тем, что нам диктуют государственные интересы. Я внимательно ознакомился с текстом этого соглашения, еретик во мне скептически кривил губы, но я понимал, что это – жизненный компромисс, точно такой же, как и четырехсторонний пакт, да и любой другой внешнеполитический договор. Я должен особо под-

черкнуть это, ибо большинству обычно не понятна разница между духовными борениями, захватывающими целые поколения людей, и сосуществованием государств, народов, церквей и транснациональных корпораций, которое регулируется договорами, не только созданными на злобу дня, но и ограниченными этим самым днем.

И все же должен признаться, что позже я никогда не интересовался, когда (если вообще) Гитлер нарушил этот конкордат, ибо я собственными глазами видел, как революционный пыл отцов церкви, отразившийся в их выступлениях и «письмах к пастве», которыми они подрывали основы нового Рейха, остыл и сменился сдержанной контрпропагандой. Понятно, что они болезненно переживали отсечение «мирской руки», нарушение связи с центром; понятно, что глава этого течения, оказавшись в эмиграции, стал папским протонотариусом в Ватикане, делая на этом посту все, чтобы навредить нашему молодому государству. В целом, я не думаю, что Гитлер, который заключил этот договор из политических соображений, был изначально склонен его нарушить: ведь конкордат был призван прорвать внешнеполитическую и морально-этическую блокаду Рейха. Было бы противоестественным, нарушая договор, сводить на нет уже достигнутый успех и наживать себе новых врагов к числу тех, которые и так уже имелись в достатке.

Франк, который сидит рядом со мной на скамье подсудимых, считает, что виной всему стала наша нерадивость, поэтому ему самому пришлось отправиться в Рим. Как бы то ни было, мне теперь приходится допустить, что в какой-то момент к процессу подключилась служба безопасности Гейдриха – это стало логическим продолжением тех реляций, которые отправлял вверх Гиммлер. Степень его вмешательства была мне не ясна; «письма к пастве» казались мне вначале проявлением обычной тактики церкви, которая теряет влияние – представить себя в роли «преследуемой религии», вызвать жалость и, тем самым, вернуть себе прежние позиции. Этот вопрос должен стать предметом всестороннего и взвешенного исследования, цель которого – выяснить насколько обоснованными были официальные обвинения, выдвинутые полицией.

Осознавая, что с точки зрения государственных интересов я представляю собой обузу движению, я не вмешивался в вопросы реализации конкордата. И хотя с рукописью «Мифа» Гитлер ознакомился задолго до выхода книги в свет, я неоднократно указывал на то, что она – плод моих собственных размышлений, моя личная исповедь, если угодно, даже публикация которой осуществлялась в околопартийных издательствах. И все равно ее появление произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Центр отдавал себе отчет в том, что немецкие социал-демократы в их стремлении к власти зависят от прелатов; национал-патриоты вновь уповали на создание коалиции «гражданского согласия», но и здесь без помощи центра было не обойтись. Как результат, обе стороны тщательно скрывали свои атеистические и протестантские взгляды. В этой, на первый взгляд, устоявшейся ситуации духовного согласия «Миф» стал возмутителем спокойствия, более того, был воспринят как оскорбление церковных святынь: автор книги уже пользовался определенной известностью, а мое требование соблюдать свободу слова и учитывать интересы не только церкви, но и всех заинтересованных сторон, когда речь заходила о свободе совести, не подлежало двоякому толкованию.

Не вдаваясь в детали, просто скажу, что мне было понятно нежелание фюрера видеть меня в роли министра. Контакты других государств с высокопоставленными масонами через посредничество церкви стали обыденным делом, но мы представляли собой слишком молодую революцию, поэтому решение сделать меня статс-секретарем в МИДе и, несмотря на мое согласие идти на повышение, этим ограничиться, было правильным. Осознав положение дел, я никогда больше не напоминал фюреру о моем согласии.

Заканчивая разговор о себе, замечу, что в конце 1939 г. Гитлер согласился облечь меня директивными полномочиями для проведения работы по «Обеспечению единства национал-социалистического мировоззрения» в партийных и государственных органах (включая и армию): слишком многое стало обозначаться термином «национал-социализм», само движение обросло огромным количеством попутчиков, Министерство образования Рейха кидало из стороны в сторону. Мои усилия никогда не были сектантскими, напротив, они были направлены на укрепление наших позиций и в том главном, что касалось просвещения народа, которым занимался Геббельс. Год спустя Гитлер признался, что Муссолини согласен участвовать в войне при условии, что мы не будем раздражать церковь. В этом смысле предстоящее расширение моих полномочий означало бы новый виток конфронтации. Я ответил фюреру, что в таком расширении нет необходимости. Больше мы к этому вопросу не возвращались.

Многое сложилось бы по-другому, если бы Гитлер руководствовался государственными интересами не только в своих отношениях со мной, но и в отношениях с теми, кто заслуживал этого в гораздо большей степени, чем я. Из-за того, что фюреру были симпатичны Геббельс и Гиммлер, они могли позволять себе многое, не опасаясь за свое будущее. Местничество и то, не поддающееся определению, стихийное, переменчивое и, в конечном итоге, ошибочное, что зачастую перечеркивало все его добрые намерения, планы и дела – вот что стало причиной тех ошибок Адольфа Гитлера, которые имели для нас самые ужасные последствия.

* * *

В ходе нюрнбергского трибунала многие второстепенные кадры – такие как Ширах или Фритше – заявляли, что Гитлер ввел их в заблуждение, дезинформировал, обманул; аналогичные высказывания пришлось слышать и от высокопоставленных офицеров, когда речь заходила о внешнеполитическом курсе Германии: Гитлер либо не ставил их в известность, либо информировал не в полном объеме. С чисто формальной точки зрения, глава государства не обязан докладывать своим министрам и генералам в пору горячей политической страды не только о своих тайных намерениях, но и даже о просто государственных секретах. Следовало опасаться сплетен, текучки министерских кадров, да и слово фюрера просто имело больший вес, чем чье-либо еще. Теперь нужно выяснять, как действовал Гитлер и какие распоряжения отдавал, а какие нет, и как его приказы доходили до исполнителей.

Господин Шахт позволил себе высказаться в том смысле, что «книга Гитлера» написана на «никуда не годном немецком», но при этом он не объяснил причину своего постоянного стремления оказаться в кругу ближайших сотрудников этого самого Гитлера. А ведь именно эти его слова затрагивают тот аспект, который наиболее ярко демонстрирует становление фюрера: тяжелая судьба не позволила ему получить достойное образование, пробелы в котором трудно было заполнить самообразованием. Работа в Вене отнимала у него много времени, а четыре года во фронтовых окопах тоже не очень способствовали шлифовке стиля. Кроме того, свои произведения он надиктовывал. Каждый, кто писал, знает, что строки, написанные от руки, всегда компактней и хлестче, чем продиктованные, при этом написанное под диктовку всегда трудней править. Поэтому первый опыт Гитлера-публициста, его статья о Южном Тироле, изобилует длиннотами, да и в «Борьбе» есть отдельные стилистические огрехи. Я еще помню, как редактор «Фелькише Беобахтер» Штольцинг-Черни мучился с печатными листами. Гитлер просил его сделать корректуру. Была обнаружена масса неточностей, но их нельзя было изменить, не изменив общий тон формулировок. А между тем, язык Гитлера и стиль его выступлений на партийных съездах явили нам в итоге классические образцы ораторского искусства, которое отмечено не только совершенством формы, но и глубиной содержания.

А. Розенберг на скамье подсудимых в Нюрнберге

Вот что стало для меня поистине определяющим масштабы человека, которому не последние люди в нашем государстве подчинялись не из служебного рвения, но по убеждению: они ценили его чутье, дар предвидения, умение инстинктивно находить правильные решения, а его заслуги во многих областях просто не подлежат сомнению.

Комментарии таких зазнаек как Шахт свидетельствуют о высокомерии, типичном для «образованщины», которая не умеет связать двух слов, если эти слова не из их чечковой книжки – они просто не способны видеть дальше собственного носа. Может быть неприятие Гитлером таких вот недоучек, прикрывающих свое невежество аттестатами зрелости и университетскими дипломами, объяснит его нежелание видеть их у себя в доме.

Гитлер всегда знал, что и высший генералитет со своим стратегическим мышлением относится к нему как к «ефрейтору Первой мировой». Но его многолетняя работа над войсковыми уставами, над трудами Генерального штаба, над техническими изобретениями – все это заставило тех, кто оставался рядом с ним, проникнуться к нему уважением. Недаром мастер своего дела и просто честный человек генерал-полковник Йодль называл фюрера непревзойденным стратегом.

У Гитлера-главнокомандующего было то, чего генералам, отставшим от жизни, час-тенько не хватало – это была способность к своего рода озарению: новая тактика взятия Эбен-Эмиля – заслуга Гитлера; поход во Францию, когда мы, в решающий момент отказавшись от плана Шлиффена, совершили прорыв на правом фланге и отбросили противника к проливу – тоже; удачей стало взятие линии Мажино – вопреки докладным запискам будущих фельдмаршалов. Об этом я узнал позже. Ироническое замечание самого Гитлера по этому поводу: «Эти господа просят меня вернуть им их докладные записки. Но я запрю их в сейф – для дополнительного изучения». Все это – что как не еще одно доказательство заслуг нашего вождя?

Я говорю о том же. Со временем стало ясно, что Адольф Гитлер – больше не добродушный увалень, теперь это жесткий политик, который демонстрирует твердость и в области искусства, и в области науки. Все это вело к нетерпимости и раздражению.

Помимо музыки и театра, Гитлер – с первых дней вхождения во власть – живо интересовался вопросами изобразительного искусства. В Мюнхене мне довелось видеть некоторые архитектурные проекты фюрера. Пусть не всегда совершенные по форме, его рисунки и акварели военного периода меня поразили – некоторые из них я видел в подлиннике, некоторые в репродукциях: в них чувствовался врожденный талант, умение выделить главное и выдающееся чувство художественного. Приезжая в Мюнхен, фюрер всякий раз встречался с профессором Троостом, который еще в 1932 г. возвел и обставил «Браунес Хаус»². Взамен сгоревшего Стеклянного дворца Гитлер хотел подарить городу новый Дом искусств, для этого был создан специальный фонд. Параллельно с его планированием велись работы по строительству партийных сооружений. Я тоже встречался с Троостом и его супругой у них в ателье: наряду с цитатами Гитлера они хотели в оформлении храма искусств использовать и что-нибудь из «Мифа». Проект Трооста был несомненно хорош, исполненный достоинства, он превосходил прежние выставочные залы. Обширное пространство стен с обеих сторон было необходимым по техническим соображениям.

В ходе этого визита мы затронули одну болезненную тему: размах и масштабность архитектурных взглядов Гитлера уживались в нем с едва ли не мещанским, окостеневшим отношением к живописи. Он правильно высказывал свое возмущение теми проявлениями этого рода искусств, в которых недостаток формы был скрыт обилием краски и самонадеянностью кисти, или «экспрессионистскими» потугами выдать бесталанность за подлинное новаторство. Гитлер знал наверняка, что за обзорами, статьями и критическими заметками крупных изданий стоят бизнес-интересы таких дельцов, как Флехтхайм, Кассире и проч., конечная цель которых – издевательство над германским идеалом красоты и, помимо отравления политического мировоззрения, извращение и разложение того, что призвано радовать глаз.

Гитлер объяснял, что занятия живописью должны начинаться с уроков рисования, композиции, анатомии; овладение азами мастерства и воспитание вкуса – вот залог исцеления и способности трезво оценивать достоинства и недостатки художественного произведения. Чудес не бывает, и на сотню полотен придется, может быть, один единственный шедевр – художник должен считаться с этим; крупные национальные выставки не должны стать подмостками для спорных маргиналов, следует воздерживаться от экспериментаторства.

Он считал, что оценка нашего художественного наследия во многом ошибочна – особенно это относится к XIX веку; старые мастера были искусней тех, кто несет ответственность за разрушение формы, которое мы наблюдаем в течение последних десяти лет. По этой причине он собирал полотна прошлого века – по замыслу Гитлера, они должны были стать украшением музея, который однажды будет открыт в его родном Линце.

Неприятие Гитлером того, что дали миру художники нашего века, вело к перекосам и однобокой трактовке концепций художественного в целом: обнаженное ремесленничество не только стало мерилом достоинств и пропуском на ежегодную общенациональную выставку, но и, что хуже, воплотило в себе все то, что мы традиционно связываем с представлениями о мещанстве. Развернулась травля таких художников, как

² Braunes Haus («коричневый дом») [Прим. ред.]

Шпицвег и Грюцнерс – их едва ли не сравнивали с Келлером, Раабе и Бушем. И хотя, по выражению Раабе, сила немецкого духа на одну треть коренится в мещанстве, не стоит именно эту треть искать в искусстве. То, что фюрер приобретал картины Цеперса, еще можно понять, но назначение Циглера президентом художественной палаты и присвоение ему звания профессора – это должно было заставить нас задуматься. Да, Циглер подавал надежды, да, он был милый человек, да, он покрыл своей росписью стены одной виллы. Но то, что Гитлер сделал его своим выдвиженцем, демонстрирует нам ограниченность взглядов фюрера. Скучные полотна Циглера, выполненные с натугой, доказывают, что он был плохим художником и никаким живописцем – ему бы поучиться в Академии.

Его полотно в доме фюрера – мне было больно на него смотреть (позже, когда Циглера арестовали, о чем я узнал случайно, эта картина исчезла).

Справедливости ради, следует констатировать тот факт, что ежегодные выставки в Мюнхене были на высоте, более того, из забвения и с почестями был возвращен, к примеру, Фридрих Шталь.

Но в целом, в живописи не было крупных открытий – за исключением в высшей степени одаренных Хильца, Пайнера и Айхорста.

* * *

По иному обстояло дело с искусством ваяния. В моем выставочном павильоне в Берлине я устроил демонстрацию работ Климша, Торака и других – она обратила на себя внимание. Климш, возможно несколько стесненный в выборе скульптур, продемонстрировал великолепное проникновение в сущность камня, его только что завершенную «Олимпию» я приобрел для своего рабочего кабинета, Торак в своей распутной многогранности... Фюрер очень ценил их обоих, но ваятелем обновленного Берлина он все-таки видел Арно Брекера, выдающийся талант которого в своих лучших проявлениях стремился от Майлола к спокойной умиротворенной патетике. В своих поздних работах он по-прежнему не стеснялся некоторой жеманности («Соратники», «Готовность»), но не будем забывать о том, что это была монументальная скульптура.

Я бывал в гостях у Брекера и Торака в их огромной мастерской, которая была устроена по поручению фюрера: Брекер показался мне спокойным и сосредоточенным (он как раз работал над моим бюстом), Торак, напротив, казался полным жизни, переполненным энергией. В своей мюнхенской мастерской он заканчивал конную статую Фридриха Великого – произведение, лишенное всякой вычурности, запечатленное в камне движение вперед, шедевр подобный Гаттамелате.

Помимо этих трех: Янсен, Шайбе, Гревениц, Эссер, Бликер и многие другие, поднявшие немецкое искусство скульптуры на достойную высоту.

Как и у многих государственных мужей, особой любовью фюрера пользовалась архитектура. В 1917 г. я записал в своем дневнике: революционер в искусстве может быть консерватором в любой иной сфере. И если жалоба госпожи Троост мне понятна («Гитлер-художник остановился в своем развитии, его уровень – это уровень конца прошлого века»), то о Гитлере-архитекторе такого не скажет никто. Зодчество древней Эллады служило Гитлеру образцом искусства нордической расы – чего он не мог сказать о готике – продолжение этой традиции на современном этапе он считал естественным и необходимым. Здесь ход его мысли схож с моим, когда в «Мифе» я говорю о преемственности греческой формы, в лице профессора Трооста Гитлер тоже нашел единомышленника. Партийные строения в Мюнхене стали первым опытом такого рода. Правильно спланированные, не вытянутые вверх, простые в своей линейности, действенные в контрасте орла и балконных решеток. Внутренне убран-

ство здания – без вычурных излишеств и обилия деталей, пронизанное светом и ощущением пространства.

Строительство административных зданий показало, что отказ от классических законов архитектуры чреват неприятностями: три одинаковых ряда колонн – один над другим – вокруг помещения с верхним светом создавало впечатление, что верхний ряд оказывается внутри помещения. Неудачными оказались оба мавзолея с саркофагами: открытые сверху, с нависающей конструкцией, которую Шульце-Наумбург правильно называл «кустарщиной», – они не оказывали должного воздействия. Что касается идейного содержания, то я говорил Гитлеру буквально следующее: «В Зале полководцев покоится шестнадцать человек, а не два по восемь». Стремление к симметрии не украсило комплекс этих зданий, скорее наоборот.

Адольф Гитлер признавался мне годы спустя, что накопленный опыт позволил бы ему пересмотреть проделанную работу на попроще зодчества. Он сожалел о выборе материала: мы использовали тот же камень, что и в пропилеях (там на посеребренном фоне постоянно образовывались темные полосы). В моих глазах это было не так страшно, как уничтожение пространства Кёнигсплац, которая была вымощена гранитными плитами. В этом я видел стремление Гитлера изжить природу из зодчества. Его раздражали не только деревья перед домами, но и, очевидно, простая трава перед глиптотекой. И снова «театральное»: стремление превратить Кёнигсплац в место проведения военных парадов превратило эту площадь перед партийными зданиями в казарменный двор. Но даже если деревья, привезенные из лесов Германии, не приживались на каменистой итальянской почве, это не должно было заставить нас пуститься во все тяжкие у себя дома.

Вид этой каменной пустыни вызывал у меня отвращение. Были полностью нарушены перспектива и масштаб архитектурного ансамбля, строения вокруг площади будто исчезли, отступив назад. Я не против того, чтобы по-новому оформить ансамбль зданий – расширить улицы, например, – но разбивка площади на сектора, покрытые травой с дорожками между ними, была изначально правильной, потому что строения вокруг нее были не высокими и внешне хрупкими. Это требовало соблюсти в границах, которые были заданы самой площадью, мелкий масштаб всей композиции – учитывая при этом, разумеется, размеры прилегающих к площади зданий. Это не было сделано: желание Гитлера одеть город в камень, создав место для проведения парадов, перечеркнуло его стремление к монументальности. Он поспешил...

* * *

Был еще вопрос, по которому наши мнения полностью совпадали. «Высокая школа» должна была стать центром науки и образования. Было выбрано место строительства на Химзее, мне оно тоже понравилось – на северной стороне берега, покрытом лиственными и хвойными деревьями. Первоначальный проект в том виде, в котором я его себе представлял, был изменен: к комплексу строений была добавлена школа им. Адольфа Гитлера и здание конгресс-холла. Я исходил из того, что наряду с централизацией, профессуре и студентам должна была быть предоставлена возможность уединения: мне удалось доказать свою правоту, профессора Гислер и Клотц получили задание разработать эскизы и планы строительства.

Клотц справился с задачей первым. Гауляйтер Мюнхена Вагнер и, думаю, госпожа Троост были восхищены: еще никогда в Баварии не было создано ничего более классического по своему духу – об этом они сразу же поставили в известность фюрера. Я же был расстроен: вялость центрального здания, вокруг которого полукольцом расположились пристройки, недоразвитость формы, открытые вестибюли (и это несмотря на метели в горах Баварии!) – одним словом, проект-однодневка, продукт большого архитектурного бюро, но не большого мастера.

И вот проект Гислера: 480 метров фронтона, тяжеловесная средняя часть которого яростно рвется ввысь (80 метров!), в нем: зал приемов, концертный зал и обсерватория – все это окружено парком. Перед фасадом здания открытая терраса, амфитеатром сходящая к воде. В целом, великолепный проект здания, ориентированного по оси север-юг, прекрасного в своей строгости и обособленности. Когда фюрер увидел оба проекта, он не колебался и минуты: предпочтение было отдано Гислеру. При этом он заметил в свойственной ему манере, что Клотц, протеже доктора Лея, который всеми силами пытался втиснуть своего архитектора в команду «Высокой школы», найдет применение талантам, проявившимся здесь столь ярко, в каком-нибудь другом проекте.

Проект «Высокой школы» был опубликован в центральной прессе, но он, оставшись мечтой, так никогда и не был воплощен в жизнь.

Планы Гитлера по переустройству Берлина, Нюрнберга, Мюнхена и т.д. более менее известны. Но когда я увидел модель будущей столицы Рейха в исполнении Шпеера и других архитекторов, меня ошеломили масштабы и размах строительства. Меня волновал вопрос моего рабочего места: мы сошлись на том, что оно будет расположено в одном из зданий правительственного квартала, выставочный павильон и учебные здания – в южной части Берлина, которую еще только предстояло обустроить. Но все это – планы Гитлера, и не мне говорить о них. Их осуществление – даже учитывая астрономические размеры тех сумм, которые были бы необходимы для этого – не обошлось бы нам дороже, чем, по словам Шпеера, два или три месяца этой Второй мировой войны...

За всеми этими планами стояли титаническая энергия, гениальное предчувствие будущего, гигантские картины грядущего Рейха и созидательные силы немцев. О Германии и о себе Гитлер мыслил поистине масштабно, может быть, даже слишком масштабно, если учитывать реальные возможности, которые были в нашем распоряжении. Но это именно то, что он и хотел изменить.

* * *

Вопрос о правомочности возмездия за позор Версаля, вопрос о правомочности оккупации и диктатуры, которая растянулась для нас на двадцать с лишним лет, став камнем преткновения для Германии: неустанно раскручивая маховик гонки вооружений, ежедневно ущемляя права немцев на международной арене, препятствуя воссоединению немецкого государства, с невозмутимым спокойствием наблюдая из Женевы за расправами над немецкими меньшинствами в Польше – эти «диктаторы» сами последовательно, шаг за шагом нарушали все то, что они силой заставляли нас соблюдать...

Хоть об этом и запрещено говорить на процессе, я лучше промолчу. Все и так ясно без слов. Все то, что я здесь услышал – показания свидетелей, обвинения, приказы, – да и учитывая мои собственные многолетние наблюдения, позволяет мне заявить следующее:

Начиная с 1937 г., после того, как разрыв с Англией стал, по мнению Гитлера, необратимым, он верил, что – пока Англия еще настроена миролюбиво – следует действовать энергично и незамедлительно.

Под знаком этого тяжелейшего противостояния прошел год величайшего триумфа Гитлера – год 1938-ой. О том, чтобы почивать на лаврах, не могло быть и речи: ни тогда, когда Гитлер, исполнитель самых заветных чаяний немецкого народа, прибыл в город своей юности Линц, ни тогда, когда в Вене он обратился с «величайшим посланием к немецкому народу». Лозунг, провозглашенный в Австрии и поддержанный всеми вплоть до заключенных тюрем и концлагерей – «один народ, один Рейх, один

фюрер!», – стал выражением воли и устремлений восьмидесяти миллионов немцев. Он никогда не должен быть забыт!

И потом: все злобные обвинения в адрес Австрии были сфабрикованы позже; были представлены доказательства, что Норвегия, Голландия и Бельгия не сохраняли нейтралитет; было доказано, что Советский Союз готовился к нападению – и фюрер был просто вынужден ударить первым, чтобы затем вести бои под Минском, а не под Бреслау...

Но самыми тяжелыми стали судьбоносные вопросы периода создания протектората и начала боевых действий на территории Польши. Судьба Рейха и будущее немецкого народа – поставил ли Адольф Гитлер все это на карту? Что подсказывало ему его чувство собственного достоинства и его столь восприимчивое сознание – что о политическом поражении не может быть и речи? Или он недооценил боеготовность англичан? Однажды он дрогнул – это случилось тогда, когда после получения письма от Чемберлена, приказ о наступлении, назначенном на 26 августа, был отменен. Но затем он передал бразды правления в руки судьбы. Из желания проявить себя? Или из слабости в решающий час?

Или он, как это становится понятным из некоторых речей, прозвучавших в зале суда, предвидел следующую перспективу: стагнация народного хозяйства; сокращение объемов внешней торговли из-за бойкота еврейских и всех прочих конкурентов; упадок сельского хозяйства и истощение зерновых ресурсов на территории Рейха; невозможность полномасштабного импорта; безработица и голод; утрата лидирующих позиций в области авиастроения в течение шести, десяти лет. Сама его жизнь – постаревшего и страдающего от всевозможных недугов – под угрозой. И как результат: последовательная блокада и изоляция Рейха, капитуляция и бесславный конец великого восстания.

А может быть: восстановление добрососедских отношений с ближайшими соседями, аннексия житниц на востоке, прорыв блокады и завоевание территориального превосходства – как условие ведения войны с воздуха? А сражения на востоке и на западе попеременно – как возможность избежать войны на два и несколько фронтов?

И если все получится, через шесть, максимум десять лет, он обманет судьбу? К тому времени будет изобретено много чего нового, старые враги уйдут, а их место займут новые друзья, разве нет?

Все это вопросы, ответы на которые знает только будущее. Результат на сегодняшний день, во всяком случае, – это невиданный доселе крах государства, крах нации. Знамя Рейха победоносно реяло на Пиренеях, на мысе Нордкап, на Волге, в пустынях Ливии. Сегодня это знамя покоится под обломками Рейха: разорванное и втоптанное в грязь теми, кого фюрер – и это самое ужасное – сам приблизил к себе в решающие годы, теми, кто всячески потакал театральной, страстной, эгоистической стороне его натуры слугителя муз, и все это вместо того, чтобы ратовать за взвешенность, разумность, самообладание и мужество – за все то, что являло и являет собой суть и форму мировоззрения истинного борца. А те, кто остался от прежних времен – они не в счет: их или не было поблизости или они (как Риббентроп) были несостоятельны политически.

Все это не стало неожиданностью, все это уходит корнями в прошлое. Уже создание Министерства пропаганды было первой фундаментальной ошибкой государственного строительства; привязка этого министерства к сфере культурного строительства – второй. Ничем не оправданное возвеличивание главного полицейского страны и превращение его в самодовлеющий образ под названием «Гиммлер», отказ от правовых норм и оправдание сего требованиями революционного времени – все это поставило под угрозу саму идею национал-социалистического государства, затормозило разви-

тие науки, негативно сказалось на наших отношениях с церковью. И потом, когда уже шла война: отказ от политической психологии.

* * *

Поначалу Гитлер был склонен разделять мои взгляды: на востоке следует править, руководствуясь на три четверти знанием менталитета людей, и лишь на четверть – применяя силовые методы. Затем, потеряв всякое ощущение пространства, которое в нем было, когда он призвал меня на помощь, говоря, что на востоке – целый континент, он предался аморфным идеям, которые не отражали ни голоса крови, ни чувства почвы.

Только в 1944 г. мне попались на глаза записки французских придворных о Наполеоне, меня поразила схожесть его позиций и позиций Гитлера в русском вопросе: Наполеона предупреждают об опасностях русской зимы, он отвечает, что к тому времени война будет выиграна; Наполеона предупреждают, что Александр не пойдет на заключение мирных соглашений, в ответ он заявляет, что его оппоненты ничего не смыслят в политике (стоит ему только взять Москву, и мир обеспечен). На подступах к Москве удача отвернулась и от Наполеона, и от Гитлера. Как Наполеон отказался поднять русских крестьян на бунт, так отказался Гитлер – под аплодисменты своего ближайшего окружения – от моего предложения предоставить народам Восточной Европы политическую и культурную самостоятельность, сделав их полноправными участниками континентального содружества.

Якоб Буркхардт цитирует Платона, который говорит, что упадок всегда отмечен расцветом театрокрации. Ведь это именно то, что демонстрирует факт злоупотребления идеями национал-социалистического мировоззрения. Избыточная театральность и поза – это, если угодно, необходимая предпосылка для того, чтобы такое мировоззрение оказалось под угрозой вырождения, когда тайная полиция во главе с сектантом развертывает строительство придворного государства для человека, который всегда обладал достаточным умом и даром предвидения, который трезво рассуждал и планировал наперед, и вдруг в одночасье оказался ослеплен музами, необходимость которых я признаю, но которые, при всей их необходимости, превратили его в своего раба.

Было бы несправедливо и неправильно ожидать от великого человека – за спиной которого жизнь, исполненная опасностей и борьбы – гармонии, мягкости характера и согласия с самим собой, которые суть примета и порождение совсем иных, мирных времен. Жизнь в жесточайшую эпоху, создание народного движения – все это требует таких свойств характера, которые возможно скрепить лишь высшим напряжением воли, строжайшим воспитанием чувств, бескомпромиссным отношением к собственной личности. Адольф Гитлер никогда не жалел на это сил. Он умел реально смотреть на вещи, видеть и трезво оценивать шансы на успех, но и держать себя в узде, отказывать себе во всем – когда этого требовало дело всей его жизни – он тоже умел.

Он прекрасно понимал, что движения души просто обязаны быть подлинными, иначе она не сможет сохранить себя в борьбе; он всегда знал, что вера и дух – это именно те составляющие, которые, в конечном счете, определяют исход любого поединка – независимо от того, что диктует нам разум, независимо от того жива ли еще надежда, или уже нет.

Источники его сил были диаметрально противоположны, иногда мне казалось, что он разрывается между ними. Его выступления, с которыми мы знакомы – это вспышка человека, которому уже все равно, что о нем будут думать другие, но который в то же время (и если слова не врут) всегда стремиться услышать свой внутренний голос; это монологи – частью сдержанные и логичные, частью откровенные до неприличия.

И о роли театрального и пропаганды во внешней политике. Здесь коренится переоценка фашизма. Невосприимчивый к опыту Первой мировой войны, Гитлер жил в убеждении – до 1934 г., по крайней мере, – что воля Муссолини, сформировавшая и возвысившая итальянцев как нацию, достаточно сильна, чтобы противостоять англичанам. Действительно ли он в это верил, или это была попытка, учитывая тот факт, что невозможно победить англичан, расшевелить наших партнеров по фашистской коалиции? Нет, попытка сделать из итальянцев настоящих бойцов провалилась – и виноваты в этом сами итальянцы.

В ходе войны популярность Геринга падала, его неспособность защитить нашу землю от налетов вражеской авиации – неоспоримая причина этого. Вот почему Гитлер, по словам его секретарш, которые говорили об этом с моим референтом, часто затрагивал проблему приемника. При этом он рассматривал Гимmlера в числе возможных кандидатур. Но, добавлял фюрер, Гимmlера не любят в партии, да он и ничего не смыслит в искусстве. Это были единственные изъяны, которые (на дворе 1945 год!) не позволили фюреру отдать ему предпочтение. При этом было ясно, что для сохранения государства народу требуются не «служители муз», но трезвые и ответственные люди. Величайшие строители империй, кстати, никогда не были «служителями муз» – ни римляне, ни англичане. Практически до самого конца Адольф Гитлер придерживался взглядов, которые на поверку оказались не просто вредными, именно они сыграли свою в высшей степени роковую роль в падении Рейха. В то же время тончайший и действеннейший инструмент политической (прикладной) психологии был заменен лихими кавалерийскими наскоками и примитивными упражнениями с шашкой.

Как бы то ни было, Адольф Гитлер уже вошел в историю – в образе демоническом, в образе, масштабы которого нам еще только предстоит осознать: величайшая вера в свой народ, в его миссию и его призвание, сметающие все на своем пути выдержка, упорство и настойчивость, гениальная простота и поистине неиссякаемый источник созидательной энергии во многих областях жизни, железная воля и бьющая ключом страстность... И вдруг смена настроений, самолюбование и хвастовство, переоценка эмоций во внешней политике, отождествление себя с судьбой целого народа, преувеличенное, вызывающее недоумение мессианство. «Мне не нужны советчики, я с уверенностью сомнамбулы пройду этот путь до конца», – вот его слова, которые он тоже говорил людям.

Мой очерк о человеке, жизнь которого и восхождение которого к власти мне довелось наблюдать с первых дней его политической карьеры, которая неразрывно связана с ростом его влияния: сперва в роли ближайшего соратника, затем со стороны и, наконец, в качестве неудобного напоминания и живого упрека всем тем, кого его чувство объединило вокруг себя. Я преклонялся перед ним, и я остался до конца ему верен.

Его конец – это конец Германии. Когда я думаю об убитых и замученных соотечественниках – их миллионы!.. Когда я думаю о невыразимом горе, которое пришло на нашу землю, о неизбежном крушении того, что еще осталось, о гибели Рейха – меня охватывает ненависть. Потом во мне просыпается сострадание к человеку, который любил эту Германию всем сердцем, так же, как и все мы, и концом которого стала яма, в которую было брошено его тело, завернутое в одеяло и облитое бензином – в саду рейхсканцелярии, среди обломков дома, находясь в котором, он однажды надеялся восстановить попорченную честь и бывшее величие нашего народа после долгих лет гнета и подавления.

Сокровенный смысл этих событий выше человеческого понимания.

Нюрнберг, 1946

[Из книги: Альфред Розенберг. Последние записи. Нюрнберг 1945-1946. Alfred Rosenberg. Letzte Aufzeichnungen. Nürnberg 1945/46, Jomsburg-Verlag, Uelzen. 2. Auflage - 1996. ISBN 3-931637-01-8]

Перевод с немецкого: Петр Кузьмичев

Арно Брекер. Раненый

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода.](#)